

«Отелло» из Иркутска

> С детства он знал, что будет заниматься музыкой

В МУЗЫКАЛЬНУЮ школу родители привели его силой – надо же ребенку чем-то заниматься вместо шатания по улицам. Сначала был баян, потом – уже в музыкальном училище – хоровое дирижирование и лишь затем вокал – это уже когда Роман Муравицкий уехал из родного Иркутска в Москву.

Петь оказалось легче и приятнее всего – сегодня он солист Большого театра. Есть и другое объяснение любви к пению: его тезка – преподаватель Роман Сладкопевец, покровитель артистов и певцов. Родился Роман Муравицкий в кузбасском поселке Северобайкальск, а учился в Иркутске. Кстати, общее фортепиано у Романа вела мама Дениса Мацуева. Как и знаменитый пианист, Роман считает, что сибиряки настолько уникальны, что их пора выделить в отдельную нацию. В Магнитогорск приехал на фестиваль «Вива опера!», чтобы петь Хозе в «Кармен» – очень значимой для певца опере.

– Это была первая опера, с которой вышел на сцену. Дело было в Иркутске, и был я в составе хора, – говорит Роман.

– Теперь выросли до главной партии. Да еще в главном оперном театре страны, в штат которого попали через год работы по контракту. Вы счастливы?

– Можно сказать, да. У меня отличная память: пару раз сыграл произведение – и уже знаю его наизусть. Так что занимался всего двадцать минут в день. В пении, конечно, ими не обойдешься, но сказать, что сутками ору, не могу. Сегодня не распеваю перед сценой – разговор с вами и

есть распевка: голосовые связки профессионального певца сразу настроены на работу. Как неправильным считаю и то, что музыкант должен быть постоянно в работе: вышел на сцену – будь звездой, если так решит публика. Ушел со сцены – будь обычным человеком, семьянином, другом... И за обедом думаю о том, какие вкусные жена приготовила котлеты, а не о том, как буду вечером петь того же Хозе.

– Кстати, его вы впервые спели на сцене столичного театра Немировича-Данченко, откуда, собственно,

и перебрались в Большой. Что – ниже уровень?

– Нисколько. Просто, если певец скажет, что не хочет петь в Большом, он соврет.

В начале 2000-х в театре Станиславского и Немировича-Данченко была хорошая труппа – пожалуй, даже сильнее, чем в Большом. Молодежь влилась в костяк, и нам позволили работать наравне со всеми. Помню, возмущался, когда узнал, что я, зеленый пацан, получаю столько же, сколько народный артист: мне казалось это несправедливым.

– Мечта спеть Отелло осуществилась?

– Да, весной буду петь его в Нижнем Новгороде на русском языке. В Большом его, к сожалению, не ставят. Хочется, конечно, спеть его в Италии, Германии – но туда русских по большей части зовут на русский репертуар. Зато в Италии познакомился с внучкой Пуччини – после первого акта одной из его опер. Ощущение, конечно, фантастическое.

– Вы пели в «Летучем голландце» Вагнера. Вас можно считать вагнеровским певцом, одолевшим школу пения по-немецки?

– Да глупости это! Вопреки мнению, что петь по-немецки вредно, утверждаю: это как раз полезно, и я бы советовал молодежи распевать себя именно на немецкой классике. При правильном воспроизведении немецкий язык хорошо организует работу дыхательной системы, связок, грудных резонаторов. Кстати, русские певцы тем и ценятся в мире, что они многогранны – могут петь все, в том числе и Вагнера.

– То, что в Италии хорошая вокальная школа – тоже стереотип?

– Сейчас уже да. Нет там хорошей школы. А вот климат действительно благоприятен для певцов, поскольку голос любит тепло и влажность. Ведущие советские вокалисты – Барцева, Собинов – имели дачи на Лазурном Берегу и зимовали там. Певцы-студентки же баловали свое горло постоянными стирками вручную, создавая тем самым влажный климат (смеется).

– Быть в штате Большого театра – это скорее статусно, нежели денежно и стабильно. Выгоднее же как раз ни от кого не зависеть...

– Да, если бы я жил в Европе и имел парочку хороших агентов. У нас нет этого института, и Большой отчасти заменяет продюсеров, поскольку делает тебе имя. Но вы правы насчет денег.

– Думала, вы начнете о патриотизме...

– Я люблю сцену Большого.

Выходить на нее. Но... как бы объяснить... Я видел многих людей, обиженных на Большой, и по праву – их несправедливо увольняли, забывали. Атлантов заявил, что больше не переступит порог Большого, и, несмотря на то, что люди, обидевшие его, там не работают, он этого и не сделал. Я не хочу таких разочарований. Для меня Большой театр – это, безусловно, храм, великое место, но всего лишь работа, а не дом и уж тем более – не семья.

– А вы в принципе космополит или патриот?

– Не думал об этом, хотя работать мне нравится в России, и дело не в публике – с ней можно договориться посредством пения, игры... Бывает, сидит человек в первом ряду и спит – и мне важно расшевелить именно его. Получается – для меня это счастье. В Финляндии люди холодные, ровные, но в финале взрываются аплодисментами, а французы, напротив, более открыты – реагируют с первой ноты. У нас сложнее, потому что львиная доля публики не знает сути оперы, на которую пришла. Впрочем, тот же Станиславский на вопрос: «Как будем петь перед рабочими по-итальянски, если они не понимают?» – отвечал: «А вы, батенька, пойте так, чтобы они поняли».

– Так почему Россия?

– Нравится слышать родную речь за кулисами. Нравится... не знаю – все нравится. Мне тут вкусно – не могу иначе объяснить. И еще нравится время, в котором мы живем. Космической скорости развитие технологий – это же потрясающе! Можешь очутиться на другом конце света ровно через мгновение, пока загружается компьютер. Хотя как для артиста здесь есть обратная сто-

рона медали: куда бы ни приехал, меня уже знают – уже послушали. А я по сути авантюрист – мне интересна сиюминутность, которая исчезает, когда знаешь, чего ждать от человека.

– Многие классические певцы, напротив, говорят, что они люди не того времени, в каком живут, а того, о чем поют.

– Кстати, не факт, что они состоялись бы в то время как артисты. Тогда музыкой занимались исключительно люди богатые, впрочем, и сейчас искусство не дает больших заработков. Даже за границей гонорары значительно упали после кризиса.

– Вы верите фразе Ленина, что искусство принадлежит народу?

– Да. Интересно, когда человек впервые приходит по моему приглашению в театр и становится любителем, а потом и знатоком оперы. И однозначно не нравится петь перед жующими бизнесменами на корпоративах – хотя, чего греха таить, приходится делать и это.

– Ну, к ним уважение хотя бы в том, что под коньячок они заказывают оперу, а не «камеди клуб»...

– Эээ... Иногда приходится работать и с «Блестящими», и с тем же «камеди». А на ваш вопрос: кому принадлежит искусство? – могу ответить: тому, кто интересуется. Мой тест был далек от оперы настолько, что не пускал свою дочь – мою жену – в музыку. Но она через юридический и педагогический институты стала-таки певицей. Предложил ему: приходите на оперу. Тест в ответ: я уже был в 80-х, там тенор минуту выходил на сцену, минуту откашливался, полминуты пел и потом пять минут уходил. Но я настоял – он пришел и теперь ходит постоянно сам и водит младшую дочь.

– Глупо спрашивать, в каких странах вы, солист Большого театра, еще не были?

– В Южной Америке, Новой Зеландии, Австралии... Переведу тему. Мой друг, музыкальный директор, много ездил по заграницам и безошибочно определяет русских и японцев: только они фотографируют не достопримечательности, а себя на их фоне.

– Вас узнают на улице?

– Оперных певцов узнают достаточно редко. Так что я, слава богу, спокойно езжу в метро. Но была пара интересных случаев. Однажды после спектакля в метро подошли две девушки и, удостоверившись, что именно я сейчас пел в «Тоске», с презрением сказали: «Мы вас ненавидим – вы девушку обманули, бросили, и она из-за вас погибла. Если вы это сделали на сцене, то и в жизни можете». Развернулись – и гордо пошли, а я подумал: они даже не представляют, какой комплимент сделали моему актерскому мастерству! Другая, увидев меня в метро, выдохнула: «Как вы меня разочаровали! Я-то думала, что артисты – небожители, которые ездят на лимузине и после спектакля ходят в рестораны!» (смеется) ☺

РИТА ДАВЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ